

Д. С. Мережковский

Царевич Алексей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
М52

М52 **Мережковский Д.С.**
Царевич Алексей / Д. С. Мережковский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-4241-2332-0

Пьеса "Царевич Алексей" была написана Д. С. Мережковским на материале его романа "Петр и Алексей". В режиссуре и оформлении А. Н. Бенуа в 20-30-е годы XX века шла на сцене Большого Драматического Театра в Петрограде.

ISBN 978-5-4241-2332-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д.С. Мережковский, 2021

Дмитрий Сергеевич
Мережковский
ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ
ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ
ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Петр, царь.

Алексей, царевич, сын Петра от первой жены, Авдотьи Лопухиной.

Екатерина, царица, вторая жена Петра.

Марья, царевна, сестра Петра.

Марфа, царица, вдова сводного брата Петра, царя Федора Алексеевича.

Толстой Петр Андреевич, сенатор.

Князь Долгорукий Василий, сенатор.

Кикин Александр Васильевич, адмиралтейц-советник.

Блюментрост, лейб-медик.

Румянцев, денщик Петра.

О. Яков, духовник Алексея.

Афанасьич, дядька, камердинер Алексея.

Сундулея, верховая боярыня царицы Марфы.

Докукин, подьячий.

Ефросинья, дворовая девка.

Аренгейм, врач.

Граф Даун, наместник императора Австрийского в Неаполе.

Вейнгарт, секретарь наместника.

Офицер караульный, в замке Сант-Эльмо.

В Петербурге и в Неаполе. 1717–1718 годы.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

В Петербурге, в доме царицы Марьи Матвеевны, угловая горница. Окна на Неву; видны голландские шпицы и низенькие мазанковые домики Петербург-городка. Солнечный зимний день. Царевич Алексей сидит у стола. Подьячий Докукин стоит перед ним.

Докукин. Антихрист хочет быть. Сам он, последний черт, не бывал еще, а шенят его народилось — полна поднебесная. Дети отцу своему подстилают путь. Все налицо антихристово строят. А как устроят, да вычистят гладко везде, так сам он и явится. При дверях уже — скоро будет...

Алексей. А вы почему знаете? Писано: ни Сын, ни ангелы не ведают¹ а вы знаете?.. (Помолчав). Из раскольников, что ль?

Докукин. Никак нет, православный.

Алексей. В Питербурх зачем приехал?

Докукин. С Москвы взят из домишку своего, по доношению во взятках.

Алексей. Брал?

Докукин. Брал. Не из неволи или какого воровства, а по любви и по совести, сколько кто даст за труды наши приказные. Насчитано оных дач на меня во многие годы 215 рублей, а мне платить нечем. Нищ емь, стар, скорбен, убог, и увечен, и мизерен; приказных дел нести не могу, бью челом об отставке. Ваше премилосердное высочество, государь царевич Алексей Петрович, призри благоутробием щедрот своих, заступи, помилуй старца беззаступного!

Алексей. Ну, ладно, ужю просьбу подай.

Докукин шарит за пазухой и вынимает завалившиеся в карманную прореху бумаги.

Алексей. Что еще?

Докукин (подавая бумаги). Изволь честь, ваше высочество.

Алексей. Ну тебя! Не досуг мне. Ступай, ступай с Богом!

Докукин. Дело, государь, превеликое. Смилуйся, пожалуй, чти!

Алексей. Эх пристал! (Заглядывая в бумаги). Да нацарапано как, не разберешь. Сам читай.

Докукин (крестится, читает). «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Поведено человеку от Бога самовластну быть»...

Алексей. Самовластну?

Докукин. Так точно, ваше высочество.

Алексей. В коем же разуме?

Докукин. А в разуме том, чтобы на воле человеку жить.

Алексей. На воле, вон чего захотел! Эх, ты... Ну, ладно, читай.

Докукин (читает). «Ныне же все мы от одного божественного дара, самовластной и вольной жизни, отверзаемы, а также домов и торгов, земледельства и рукодельства, и всех своих прежних промыслов и древле установленных законов, паче же и всякого благочестия христианского лишаемы. Из дома в дом, из места в место, из града в град гонимы, оскорбляемы и озлобляемы. Весь обычай свой и язык, и платье изменили, головы и бороды обрили, парсоны свои ругательски обесчестили. Иное же и сказать неудобно. — удобнее устам своим ограду положить. Но весьма сердце болит, видя опустошение земли и люд в бедах явлен

нестерпимыми язвами».

Алексей. Ну, буде. Длинно что-то писано. Конец читай.

Докукин. А в конце тако. (Читает). «О, таинственные мученики, не ужасайтесь и не отчаивайтесь, станьте добре с оружием креста на силу антихристову. Потерпите, Господа ради, мало еще потерпите! Не оставит вас Христос, Ему же слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Алексей. Для чего писал?

Докукин. В народ подметывать. Одно письмо такое же подкинул намеренно здесь, в Питербурхе, у Симеония на паперти. А сию молитву прибить хочу у Троицы, возле дворца государева, дабы все, кто бы ни чел, знали о том и донесли бы царю. А писал сие во исправление, дабы некогда, пришед в себя, его царское величество исправилось.

Алексей. А ты, братец, не плут?

Докукин. Никак нет, государь, плутовства за мною не водится.

Алексей. А знаешь ли, Ларивон, что о сем твоим возмутительном и бунтовском писании я, по должности моей гражданской и сыновней, государю батюшке донести имею? Воинского же устава по артикулу двенадцатому: кто против его величества хулительными словами погрешит, — весьма живота лишен и отсечением главы казнен быть имеет.

Докукин. Воля твоя, ваше высочество, а я и сам думал с тем явиться, чтобы пострадать за слово Христово.

Алексей. В уме ли ты, старик? Подумай, что делаешь. Попадешь в застенки, — там с тобой шутить не будут: за ребро подвешат, да еще прокопят.

Докукин. Ну, что ж, государь, за помощью Божьей готов я и дух свой предать. Когда-де не ныне, умрем же всячески. Надобно что доброе сделать, с чем бы предстать перед Господа, а то ведь без смерти и мы не будем. (Потупившись, тихо). Человеку поведено от Бога самовластно быть... Алексей. Давай их сюда.

Докукин подает бумаги. Алексей вынимает листок, зажигает о горящую в углу, перед образами, лампадку, вынимает отдушник из печки, открывает дверцу, сует бумаги и мешает кочергой.

Алексей (подойдя к Докукину и положив руку на плечо его). Слушай, Ларивон. Вижу, что ты человек правдивый. Верю тебе. Скажи, хочешь мне добра?

Докукин молчит.

Алексей. А коли хочешь, выкинь дурь из головы. О бунтовских письмах и думать не смей; не такое нынче время. Когда попадешься, да узнают, что ты был у меня, так и мне беда будет. Ступай же с Богом и больше не приходи. Не говори обо мне ни с кем. Коли спрашивать будут, — молчи. Да уезжай поскорей из Питербурха. Смотри же, брат, будешь помнить волю мою?

Докукин. Куда нам, государь, из воли твоей выступить?

Алексей. А о доносе не хлопочи. Слово замолвлю, где надо. Давай платок. (Вынимает из кошелья серебро и медь, заворачивает платок и отдает Докукину). Вот тебе на дорогу. Как будешь в Москве, отслужи молебен в Архангельском, да часточку вынь за здравие раба Божия Алексея.

Докукин. Яко же древле Сампсону утоли Бог жажду чрез ослиную челюсть,² такожде и ныне тот же Бог не учинит ли через мое скудоумие тебе, государь, нечто полезное и прохладительное... (Валится в ноги Алексею). Смилуйся, батюшка! Послушай нас, бедных, вопиющих, последних рабов твоих! Ей, государь,

царевич, дитятко красное, церковное. солнышко наше, надежда Российская! Тобой хочет весь мир просветиться, о тебе люди Божьи расточенные радуются. Если не ты по Господе Боге, кто нам поможет? (Обнимает ноги его с рыданием). Пропали, пропали мы все без тебя, государь! Смилуйся!

Алексей. Полно, старик! Аль не вижу, не знаю? Не болит мое сердце за вас? Где вы, там и я. Коли даст Бог на царстве быть, — все сделаю. Тогда и тебя не забуду: мне верные слуги нужны. А покуда терпите да молитесь, чтоб скорее дал Бог совершение, буди же воля Его святая во всем. (Помогает встать Доукину, обнимает его и целует в лоб). Ну, прощай, Ларивон. Даст Бог, свидимся. Христос с тобой!

Входит царевна Марья.

Марья. Здравствуй, Петрович.

Алексей. Здравствуй, Марьюшка.

Целуются. Доукин уходит.

Марья. Кто такой?

Алексей. Подьячий Доукин.

Марья. По какому делу?

Алексей. Ни по какому. Так, просьбишка.

Марья. Смотри, не плут ли? Много нынче плутов по миру шляется. Как бы не пронес чего.

Алексей. Нет, человек хороший.

Марья. Ну, как живешь, царевич?

Алексей. Сама знаешь: живем пока мышь головы не отъела.

Марья. Чтой-то, Петрович, лицо у тебя какое? Неможется, что ль? Аль пьешь?

Алексей. Пью. Видит Бог, от страха пью, только чтобы себя не помнить. А то и неволей поят. Третьего дня с собора пьянейшего замертво вынесли.

Марья. А ты пил бы лекарства, болезнь себе притворил, чтоб тебе на тех соборах не бывать.

Алексей. Ах, Марьюшка, Марьюшка, горькое мое житие! Если бы не помогала сила Божья, едва можно человеку в уме быть. Я бы рад хоть куды скрыться, уйти бы прочь от всего...

Марья. Небось, Петрович, скоро полегчит, недолго ждать. (Помолчав). От заточенных-то наших, из темницы Суздальской,³ намедни посол приходил, юрод Михайло Босенький. Великие, говорит, знамения, гласы, пророчества. Государыне-де, матушке твоей, являлась пресветлая и пречистая Царица Небесная, такое слово рекла: «Я-де тебя сохраню и сына твоего возвеличу». Скоро, скоро будет! Много вопиющих: «Господи, мсти и дай Совершенство и делу конец!» (встает, подходит к окну и указывает на низенькие домики Питербурга городка). Помни слово мое, царевич: Питербурх недолго за нами будет. (Грозит клюкою в окно). Быть ему пусто! К черту в болото провалится. Как вырос, так и сгниет, грибок поганый. И места его не найдут, окаянного. Быть пусто! Быть пусто!

Молчание.

Марья. А что, Петрович, сам-то болен, слышь?

Алексей. Болен.

Марья. Тяжко?

Алексей. Причастили.

Марья (крестясь). Дай-то Бог, дай Бог, совершение! (Шепотом). Не выживет?

Алексей. Как знать? Сколько раз отчаян был в смерть, а глядь, и отдышится.
Марья. Да. двужильный. Ну, да не ныне, так впредь живот свой скончает от безмерного пьянства и женонеистовства. Я чай, не умедлится. Погоди, Петрович, доведется и нам свою песенку спеть: наследство тебя не минует...

Алексей. Что наследство. Марьюшка! С плахи на престол, да с престола на плаху. Не то что ныне от батюшки, а и после него мне на себя ждать того же: постригши, заточат в монастырь, как матушку, замучают. Лучше бы я и на свет не родился!

Марья. Не малодушествоуй, царевич, не гневи Бога, не ропщи. Положись весь на Христа, Алешенька: выше силы не попустит Он быть искушению.

Алексей. Выше силы! Выше силы!

Марья. Не говори слов хульных, дитятко. Смирись, потерпи...

Алексей. Довольно я тепел, не могу больше! Пусть бы только за себя, а за царство, за церковь, за весь народ христианский как терпеть? Что он делает, что он делает! Навуходоносор, царь Вавилонский, рече: «Бог есмь аз», да не Богом, а зверем стал⁴ Так вот и он. «Велик, говорят, велик государь». А в чем его величество? Тиранским обычаем царствует. Топором да кнутом просвещает. На кнуте далеко не уедешь. И топор — инструмент железный — невелика диковина: дать две гривны. Все-то заговоров, бунтов ищет. А того не видит, что сам первый бунтовщик и есть. Ломает, валит, рубит с плеча, а все без толку. Сколько людей казнено, сколько крови пролито! А воровство не убывает. Совесть в людях незавязанная. И кровь не вода. — вопиет о мщении. Скоро-де, скоро снидет гнев Божий на Россию, и как станет междуусобие, тут-то и увидят все: такая раскачка пойдет, такое глав посещение, что только: швык-швык-швык...

Марья (злорадно смеясь). Швык-швык-швык!

Алексей. И тогда-то из великих кровей тех выйдет Россия, омытая, паче снега убеленная, яко Жена, солнцем одеянная!⁵

Марья (торжественно). Буди! Буди! Аминь.

Стук в дверь.

Марья. Кто там?

Голос (из-за двери). Вахрамеевна.

Марья. Войди.

Входит верховая боярыня Сундуля⁶ с двумя боярышнями и кланяется в ноги Алексею.

Сундуля. Здравствуй, государь царевич, батюшка.

Алексей. Здравствуй, боярыня. Что скажешь?

Сундуля. Царица матушка спсылать к тебе изволила, милости твоей видеть желает.

Алексей. К себе в хоромы зовет?

Сундуля. Нет, сама пожалует.

Алексей. Доложи, что рад видеть царицу.

Сундуля уходит.

Марья (боярышням). Спускайте-ка запаны, закрывайте ставни, боярышни.

Боярышни закрывают ставни на окнах и приносят свечи.

Алексей. А тетенька все еще свету дневного боится?

Марья. И-и, батюшка, пуще прежнего! Сама, почитай, слепенька, а чуть свет в щелку увидит, так и встрепещется: ножом ей свет режет глазыньки. Ну, да и то

сказать: тридцать годов в темноте просидела; с той самой поры, как благоверный царь Федор Алексеевич преставился. — на свет Божий ни разу не глянула. (Вполголоса.) Совсем из ума выжила. А нынче все что-то тебя поминает, жалеет, «внучком» зовет...

Входит царица Марфа. Старые верховые боярыни, комнатные бабы и мамы ведут ее под руки. Садится под образами, в золоченые кресла, подобие «царского места» с двуглавым орлом и короною.

Марфа. Марья, а, Марья!

Марья. Чего изволишь, царица?

Марфа. Ставни-то заперты?

Марья. Заперты, матушка, заперты.

Марфа. Накрепко ль?

Марья. Накрепко, матушка, накрепко.

Марфа. А внучек где?

Алексей. Здесь, царица.

Марфа. Подь-ка, подь сюда!

Алексей подходит и садится на низенькую скамейку у ног Марфы.

Марфа. Ступайте все.

Все уходят.

Марфа (ощупывая рукою лицо Алексея). Ишь, похудел, осунулся! Каши мало ешь? Надо кашки, кашки с маслицем! Аль барабанщик замаял?

Алексей. Какой барабанщик, тетенька?

Марфа. Будто не знаешь? Беглый пушкарь, немчина, аль жид поганый, самозванец, оборотень. Не к ночи будь помянут, чур нас, чур...

Молчание.

Марфа (глядя Алексея рукою по щеке и волосам). Сиротинка ты мой бедный! Ни отца, ни матери. И заступиться некому. Загрызут овечку волки лютые, заклюют голубчика вороны черные. Ох, жаль мне тебя, жаль, родненький!

Тихо плачет. Алексей целует ей руки. Молчание.

Марфа. Все мятется, все мятется, очень худо деется. Читал ты, внучек, в Писании? Дети, последняя година. Слышали вы, что грядет, и ныне в мире есть уже. Это о нем, о Сыне Погибели.⁷ Уже пришел ко вратам. Скоро, скоро будет. Уж и не знаю, дождусь ли, увижу ль друга сердешного. солнышко мое красное, благоверного царя Феодора Алексеевича. Хоть бы одним глазком взглянуть, как придет в силе и славе, с неверными брань сотворит, и победит, и воссядет на престоле величества, и поклонятся, и воскликнут ему все народы: Осанна! Благословен грядый во имя Господне!⁸

Опускает голову и перебирает четки.

Марфа. Да нет, не дождусь. Прогневила я, грешная, Господа. Чует, ох, чует сердце беду! Тошно мне, внучек, тошнехонько. И сны-то нынче снятся все такие недобрые... (Оглядывается и приближает губы к самому уху его. Шепотом). Что мне наемдни снилось-то... Во сне ли, в видении ли, не ведаю, — а только он сам приходил. Никто другой, как он!

Алексей. Кто, царица?

Марфа. Не разумеешь? Слушай же, как тот сон мне приснился, — может, тогда и поймешь. Лежу, будто, на постеле, не сплю, словно жду чего-то. Вдруг настезь дверь, и входит он. Сразу узнала. Рослый, да ражий, а кафтанишка куций,

немецкий; во рту пипка, табачище тянет; рожа бритая, ус кошачий. Подошел, глядит, молчит. Молчу и я: что-то, думаю, будет? И тошно мне, скучно — смерть моя. Перекреститься хочу, — рука не подыметя, молитву прочесть — язык не шевелится. Лежу, как мертвая. А он за руку щупает. Огонь и мороз по спине. Глянула на образ, а и образ-то кажет разными видами: будто не Спасов лик пречистый, а немчин поганый, рожа пухлая, синяя, точно утопленник. А он все ко мне: «Больна-де, ты, говорит, Марфа Матвеевна, гораздо больна. Хочешь я тебе моего пришлю дохтура? Да что ты на меня воззрилась? Аль не узнала?» — «Как, говорю, не узнать? Знаю. Мало ли мы таких видали!» — «Кто же-де я, говорит, скажи, коли знаешь?» — «Известно, говорю, кто. Немец, немцев сын, солдат-барабанщик». Ослабился во всю рожу, порскнул на меня, что кот шальной: «Рехнулась ты, видно, старуха! Не немец я, не барабанщик, а боговенчанный царь всея Руси, твоего же покойного мужа, царя Феодора, сводный брат». Тут уж злость меня взяла. Так бы ему в рожу и плюнула, так бы и крикнула: «Пет ты, собачий сын, самозванец, Гришка Отрепьев,⁹ анафема!» Да ну его, думаю, к шуту! Что мне с ним браниться! И плюнуть-то не стоит. Ведь это мне только сон, греза нечистая, попущением Божиим. Дуну, — и сгинет. «А коли ты царь, говорю, как же тебя по имени звать?» — «Петр, говорит, имя мое». Как сказал: «Петр», так меня ровно что и осенило. «Э, думаю, так вот ты кто! Ну, погоди ж». Да не будь дура, языком не могу, так хоть в уме творю заклятие: «Враг, сатана, отгонись от меня в места пустыя, в леса густые, в пропасти земные, в моря бездонные, на горы бездомные, иде же не присещает свет лица Господня. Рожа окаянная, изыди от меня в тартар, ад кромешный, пекло преисподнее. Аминь! Аминь! Аминь! рассыпись! дую на тебя и плюю». Как прочла заклятье, так он и сгинул, точно сквозь землю провалился, — только табачищем смердит. Проснулась я, окликнула; прибежала Вахрамеевна, окропила святой водою, окурила ладаном. Встала я, пошла в соленную, пала перед образом Владычицы Пречистой Влахернской Божией матери, да как вспомнила, да вздумала все, тут только и уразумела, кто это был.

Алексей. Кто же, тетенька?

Марфа. Не разумеешь? Аль забыл, что у Ефрема-то в книге о втором пришествии писано: «Во имя Симона Петра имеет быть гордый князь мира сего — Антихрист».¹⁰ Слышишь? имя его — Петр. Он самый и есть: Антихрист! Петр — Антихрист!

Занавес.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

ПЕРВАЯ КАРТИНА

В Зимнем дворце, рабочая комната Петра, тесная, похожая на каюту,громожденная токарными станками, математическими, артиллерийскими и фортификационными приборами. В углу — образ Нерукотворного Спаса с горящею лампадою. Петр сидит в кресле за столом. Лицо больное. Старый, заношенный и заплатанный шлафрок, шерстяная красная фуфайка с белыми костяными пуговицами; исподнее платье грубого синего стамеда; чулки, старые кожаные стоптанные туфли. Алексей стоит перед ним, как солдат навывтяжку, руки по швам.

Петр. Когда война со Шведом началась,¹¹ о, коль великое гонение, ради нашего неискусства, претерпели! С какою горечью сию школу прошли, доколе сподобились видеть, что оный неприятель, от коего трепетали, едва не вяще от нас ныне трепещет! Что все моими бедными и прочих истинных сынов Российских трудами достигнуто. И доселе вкушаем хлеб в поте лица своего, по приказу Божию, к прадеду нашему, Адаму. Сколько могли потрудились, яко Ной, над ковчегом России, имея всегда одно в помышлении: на весь свет славна бы Русь была. Когда же сию радость, Богом данную отечеству нашему, рассмотрев, обозрюсь на линию наследства, едва не равная радости горесть снедает меня, видя тебя весьма на правление дел государственных неистребна... Чего в сторону глядишь? Не слушаешь?

Алексея. Слушаю, батюшка.

Петр. То-то. В последний раз говорю: Бог не есть виновен в твоём неистребстве, ибо разума тебя не лишил. Но охоты ни к чему не имеешь. Паче же всего о воинском деле и слышать не хочешь, чем от тьмы к свету произошли. Не имея же охоты, ни в чем не обучаешься и не знаешь дел воинских. А не зная, как повелевать оным можешь и как доброму доброе воздать и нерадивого наказать, не разумея силы в их деле? Но принужден будешь, как птица молодая, в рот смотреть. Слабостью ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон. Понеже не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь отлучить не может...

Алексея. Батюшка...

Петр. Молчи, когда говорят, слушай! Знаю, что как об стену горох, а все говорю, понеже дам за тебя ответ Богу. Есмь человек и смерти подлежу, то кому сие начатое с помощью высшего насаждение и уже некоторое взращенное оставляю? Тому, кто уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю,¹² сиречь, все, что Бог дал, бросил. Еще же и сие вспомяну, какого ты злого нрава и упрямого исполнен. Ибо сколь много за сие тебя бранивал и не только бранил, но и бивал, к тому же сколько лет, почитай; не говорю с тобою, но ничто сие успело, ничто пользует; все даром, все на сторону, ничего делать не хочешь, только бы дома в прохладе жить и всегда веселиться, хоть все противно идет. Ибо с единой стороны имеешь царскую кровь высокого рода, с другой же — мерзкие рассуждения, как бы наинизший из низких холопов, всегда обращаясь с людьми неистребными, от коих ничему научиться не мог, oprичь злых и пакостных дел. И чем воздаешь за рождение отцу своему? Помогаш ли